

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье обосновывается мысль о том, что главной причиной затянувшейся и болезненной модернизации в России была предельная гетерогенность российской цивилизации, асинхронность развития локальных культурных миров, которая проявлялась на всех уровнях социокультурной системы. Выявляется роль государства в процессах модернизации российского общества, основные принципы социокультурной политики государственной власти на различных этапах российской истории.

Модернизация общества – проблема, которая активно разрабатывается в современной социально-гуманитарной мысли с середины XX века и осмысление которой характеризуется огромным разнообразием подходов и достижений. Особую актуальность данная проблема имеет для России, которая, как известно, начиная с конца XVII века (т. е. почти одновременно с Европой) предпринимает одну попытку модернизации за другой, но и сегодня ее называют в отдельных исследованиях (и не без оснований) «классическим примером традиционного общества» (1, с. 23). Более того, все попытки модернизации России сопровождаются болезненными, разрушительными процессами во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере культуры. Распад страны и межэтнические конфликты, усиление национализма и религиозного фанатизма, падение общественных нравов и разгул преступности, разрушение традиций и ценностей – такова социокультурная цена всех российских реформ при достаточно низкой экономической эффективности.

Стремясь объяснить специфику модернизации в России, исследователи, как правило, противопоставляют российскую модернизацию модернизации западных стран по всем основным параметрам, касающимся как источников социального развития, так и его содержания. При этом подчеркивается неорганичный, экзогенный, насильственный характер российской модернизации, ее частичный характер, слабость (или отсутствие) культурного фундамента модернизационных преобразований. В то же время многие авторы, как правило, обходят вниманием культурную гетерогенность российской цивилизации и ее влияние на стратегию и результаты модернизации. Игнорирование данного фактора порождает упрощенность в понимании самой модернизации, когда этнические культуры рассматриваются как пассивный объект реформаторской деятельности государства, не оказывающий никакого влияния на результаты социального развития. В рамках такого подхода стремление объяснить особенности российской модернизации определяет поиск главных препятствий на ее пути в специфике русской культуры, а в качестве таковых называются, как правило, православие, подавляющая роль государства, особенности русского национального характера и т. д. Однако, на наш взгляд, именно культурная гетерогенность России стала основным фактором «неимоверно затянувшейся» и болезненной модернизации, ее незавершенного характера. Неслучайно западные исследователи, начиная с Дж. С. Милля и заканчивая современными учеными (см. 2, с. 158; 3), утверждают, что формирование демократических институтов в полиэтнической стране (и особенно разделенной территориально по этническому признаку) практически невозможно.

Россия начала XVIII века – это пестрая мозаика относительно автономных, самобытных культур, скорее суммативная система, скрепляемая сильным государством, нежели органически-целостное единство, формируемое едиными экономическими, политическими, социальными, культурными связями и отношениями. Центром этой системы выступали русский народ и русская культура как наиболее ярко воплощающая ее осо-

России начала XVIII века – это пестрая мозаика относительно автономных, самобытных культур, скорее суммативная система, скрепляемая сильным государством, нежели органически-целостное единство, формируемое едиными экономическими, политическими, социальными, культурными связями и отношениями. Центром этой системы выступали русский народ и русская культура как наиболее ярко воплощающая ее осо-

бенности, в то время как периферия имела изменчивый характер, сужалась и разрасталась в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. В ходе территориальной экспансии российского государства возрастает мозаичность, дробность социокультурного пространства. В состав России входят польские, финские, прибалтийские народы, представлявшие собой восточную периферию западной цивилизации и характеризующиеся такими особенностями, как частная собственность, индивидуализм, рыночные отношения, автономия общества от власти и др.; *Средняя Азия* – субцивилизация исламского мира и центр суннитской учености и богатейшей культуры; *Кавказ* – мир этнической, религиозной и социальной разноликости, включающий в себя десятки независимых государств, царств, княжеств, враждующих между собой и покорившихся силе русского оружия; анклав *буддийской культуры* ламаистского толка и другие не менее самобытные «осколки» инокультурных миров. В целом же не менее двух третей территории страны в имперский период составлял ареал жизнедеятельности кочевых и полукочевых народов, а сама Российская империя могла быть названа величайшей кочевой империей того времени.

Следствием распространения «вширь» становится доминирование в российской культуре модуса разнообразия над модусом единства, создающее предельно несбалансированную, хаотизированную среду. Предельная гетерогенность, асинхронность развития локальных культурных миров проявлялась на всех уровнях социокультурной системы: административно-управленческом, правовом, экономическом, социальном, культурном. Таким образом, пространственная экспансия Российской империи на Запад и на Восток обостряет противоречия, присущие полиэтническим обществам, – противоречия, которые в значительной степени осложняли решение задач модернизации российского общества и которые, на наш взгляд, так и не были преодолены в имперский период. Это противоречия:

1) между правительственным курсом на европеизацию российской культуры – с одной стороны, и возрастанием степени ее «азиатизации», «ориентализации» за счет приобретения восточных территорий – с другой;

2) между необходимостью ускорения процессов рационализации, индустриализации, урбанизации общественной жизни, с одной стороны, и ростом сельского населения в ходе присоединения аграрных районов с неразвитой промышленностью, инфраструктурой, средствами коммуникации – с другой;

3) между необходимостью усиления гомогенности социокультурного пространства, которое могло быть создано только на основе русской культуры – с одной стороны, и сокращением удельной доли русского населения, усилением культурной гетерогенности страны – с другой.

Эти вновь присоединенные территории не только функционировали в различных социальных, политических, экономических, культурных режимах, основывались на принципиально различных административно-политических и правовых системах, но и обладали принципиально разными возможностями и перспективами с точки зрения их интеграции в единое социокультурное пространство Российской империи. Если туркмены и казахи – наименее исламизированные кочевые народы рассматривались государственной властью как благодатное поле для привития им христианской религии и русской культуры, то Бухара и Коканд – «варварские ханства», полные «усобиц, злодейств и неправды», религиозного фанатизма и восточного коварства (4, с. 387) – не давали серьезных оснований для державного оптимизма. Еще более проблемной зоной были горские народы Кавказа, которые «и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны» характеризовались Н.Я. Данилевским как «природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое» (5, с. 31).

Однако и христианскую Польшу с родственным славянским народом с Россией связывали отношения давней вражды и неприязни, в которой Н.А. Бердяев видел «распря души православной и души католической» (6, с. 411) и которая сопровождалась неоднократно попытками польского народа отстоять свою независимость и право на самостоятельное развитие. В течение всего имперского периода эти анклав культуры самобытности, вынужденные функционировать в рамках качественно иной цивилизации, выступали как мощные зоны нестабильности, обуславливая драматическую неопределенность, несбалансированность развития российского общества, непредсказуемость его перспектив.

Синхронизация «темпомиров» этнических культур требовала усиления универсализирующих элементов, усиления гомогенности социокультурного пространства, без чего модернизация российского общества продолжала сохранять анклавный, частичный характер. Однако усиление универсализирующих элементов в российской культуре, обуславливающее постепенное и неуклонное сужение сферы этнокультурной специфичности, создавало угрозу разрушения традиционных механизмов самоорганизации этнических сообществ, унификации и утраты культурной самобытности, что становилось главным фактором отторжения инновационных процессов в этнических культурах. Поэтому главным противоречием российской модернизации было противоречие между потребностью в усилении универсализирующих черт и обновлении культуры, с одной стороны, и потребностью в сохранении культурной самобытности этнических субстратов – с другой.

Как показывает анализ различных этапов российской модернизации, государственная власть, выступающая как главный субъект модернизационных преобразований, определяя стратегию реформирования общества и понимая его сложность в полиэтнической среде, ориентировалась на учет этнокультурного разнообразия России, на согла-

сование интересов и темпов развития различных народов, формирование консолидирующих механизмов в условиях огромного разнообразия этнических традиций. Именно учет специфики локальных культурных миров во многом осложнял выработку стратегии модернизации, поскольку власть, заинтересованная в сохранении стабильности общества, должна была ориентироваться не столько на желаемый, сколько на возможный (т. е. осуществимый) в данной среде результат. На наш взгляд, именно это обстоятельство обусловило замедленность российских реформ, их непоследовательный и циклический характер, вызванный необходимостью постоянной коррекции результатов модернизации с учетом социокультурной специфики национальных регионов России.

Ориентацией на *постепенное* приспособление местных особенностей многочисленных народов России к новым условиям существования в российском государстве может быть объяснен и тот факт, что процессы унификации даже наиболее важных аспектов общественной жизни не были завершены к концу имперского периода. Так, еще в начале XX века нормы гражданского и административного права обладали местной спецификой, включали в себя значительный пласт норм обычного права. Обычное право регулировало отношения между родами, внутри рода, имущественные, семейно-брачные отношения и т. д. Все эти вопросы решались общинным судом и собранием, вне компетенции которых находились только уголовные дела, связанные с убийством. Причем нормы обычного права имели существенные расхождения с государственным законом: в официальном праве главной формой собственности была индивидуальная собственность, в обычном праве – семейная, мирская с регулярными переделами земли; официальное право утверждало индивидуальную ответственность граждан, обычное право – коллективную ответственность членов общины перед государством и т. п. (см. 7, с. 65-66; 8, с. 13). Таким образом, социокультурный раскол в имперский период характеризовал и

правовую сферу жизни общества, обуславливая его биюридизм: крестьянство, составлявшее подавляющую часть российского общества, жило по нормам обычного права, городские слои – по государственным законам.

Поэтому для государственной власти, начиная с конца XVIII века, было характерно стремление найти некую компромиссную форму правового регулирования жизни российского общества, позволяющую учитывать в государственных законах Российской империи местную правовую специфику, без чего правовые нормы были совершенно неэффективными. Такой компромиссной стратегией была кодификация норм обычного права и придание им статуса закона. Так, в 1822 году М.М. Сперанским был издан важнейший законодательный акт «Устав об управлении инородцев», созданный на основе тщательного изучения и систематизации норм обычного права народов Сибири. Инородцы края были поделены по типу хозяйства и образу жизни на три группы: оседлых, кочевых и бродячих, в соответствии с которыми были определены основные принципы управления туземным населением. Если оседлые народы были уравнены в правах с русским крестьянством, то для «кочевых» и «бродячих» была создана специфическая форма управления, согласованная с нормами обычного права данных народов. Низовыми органами управления стали «родовые управления», «инородные управы», «степные думы», которые просуществовали вплоть до начала XX века.

То же стремление государственной власти учитывать этнокультурные особенности различных народов России было положено в основу реформ 1860-х годов, когда судебная власть перешла в руки волостных судов, а следовательно, 85% населения страны жило не по законам, а по нормам обычного права. Стремление власти собирать, изучать, систематизировать и учитывать в своей правотворческой и судебной деятельности нормы обычного права было обусловлено прежде всего ее стремлением обеспечить социальный порядок и стабильность российско-

го общества, поскольку законы, которые противоречили нормам обычного права, крестьянством попросту игнорировались (см. 9).

Поиск неких промежуточных форм государственного регулирования, адаптированных к сохраняющимся общинным отношениям, был характерен и для советской власти. Так, в 1926 году в основу управления северных народов России было положено «Временное положение об управлении туземных народов и племен северных окраин РСФСР». Созданные по этому положению родовые советы были попыткой государства приспособить новую советскую форму власти к традиционным социальным отношениям народов Севера и Сибири. Для ведения традиционного хозяйства за родовыми советами были закреплены родовые угодья, распорядителем которых была община. Государственные органы власти должны были контролировать использование родовых угодий и соблюдение прав местного населения на уже выделенные угодья. Однако уже в 1931 году родовые советы были заменены советскими учреждениями под предлогом консервации «архаичных форм быта». Своеобразной переходной формой организации экономических отношений малых северных народов в 1920-е годы стали кооперативы, сезонные артели, простейшие производственные объединения, которые были основаны на коллективистских принципах, присущих данным народам (см. 10, с. 15-126). Подобные гибридные, промежуточные формы управления, основанные на оптимальном сочетании традиционных механизмов самоорганизации этнических сообществ и государственного регулирования и продиктованные необходимостью постепенного приспособления народов России к новым задачам модернизации, оказывались наиболее эффективными, поскольку способствовали консолидации общества, давали больше возможностей для улаживания конфликтов, обеспечивали стабильность местных сообществ. С другой стороны, опора на местную власть и органы самоуправления, которые брали на себя часть функций государства, позволяла обеспечи-

вать значительную экономию финансовых, кадровых и пр. ресурсов империи.

Важным фактором обеспечения стабильности полиэтнического, поликонфессионального российского общества была политика сотрудничества правительства с местными элитами, обеспечение национальным элитам доступа к власти, что нашло свое выражение в сохранении их традиционных и сословных прав и привилегий в момент вхождения в Российскую империю, включение их в состав российского дворянства, возможность беспрепятственной карьеры на государственной и военной службе. Результатом подобной кадровой политики российской власти было то, что в 1858-1859 годах потомственные дворяне тюркско-татарского, грузинского, немецкого и иного происхождения составляли 274 тыс. человек (из 610 тыс. общего числа), проживающих в 37 губерниях Российской империи (см. 11, с. 233-234, 240). Но особенно заметно проявилась политика сотрудничества правительства с местными элитами в период советской власти, когда государственная и партийная номенклатура была представлена в республиках СССР в основном национальными кадрами. Однако этот принцип привлечения национальных элит в чиновничий, бюрократический аппарат постоянно нарушался, особенно на местах, поскольку не был подкреплён соответствующей правовой базой. Так, например, в последнее десятилетие существования Российской империи в составе губернских управлений Урала не было ни одного мусульманина, в то время как в регионе несколько миллионов коренных жителей (в первую очередь в Уфимской губернии) исповедовали ислам (12, с. 113), что могло создавать трудности в разрешении конфликтов на почве вероисповедания в уральских губерниях.

В ходе модернизационных процессов происходило приспособление не только государственных установлений, норм к местным традициям, но и постепенная трансформация этих традиций в соответствии с требованиями власти. Так, отдельные нормы исламского права были введены в государ-

ственное законодательство для восточных территорий, другие – претерпели изменения или были вовсе запрещены. Например, такая характерная для исламского права форма наказания за прелюбодеяние, как забивание до смерти камнями, была отменена российским законодательством. В уставе М.М. Сперанского отменялась обычная для многих народов России кровная месть, предусматривалась смертная казнь за убийство (вместо денежного штрафа), отменялось рабство и все формы работорговли (13, с. 44-45, 49), то есть под влиянием государственной власти сами нормы обычного и исламского права изменялись в сторону гуманизации. Таким образом, постепенное усиление унифицирующих тенденций и сужение сферы этнокультурной специфичности в правовой и административной сфере осуществлялось как постепенное вытеснение обычая законом, окончательное утверждение которого происходит только в советский период.

Гибкость национальной политики российского государства по отношению к иноземцам и их включению в модернизационный процесс проявлялась и в том, что государственная власть стремилась корректировать негативные последствия модернизации коренных народов России, предпринимать определенные управленческие меры, направленные на стабилизацию межэтнических взаимодействий в российском обществе. Так, после Пугачевского восстания в 1773-1775 годах правительство прекратило почти на 25 лет повышение налогов, несмотря на инфляцию, а также запретило помещикам повышать земельную ренту (см. 14, с. 257). Учитывая причины активного участия башкирского народа в Пугачевском восстании, правительство Екатерины II, жестко расправившееся с самим Пугачевым и его ближайшими соратниками, помиловало башкир. Более того, отдельные руководители восстания из среды башкир не были даже лишены своих должностей, а впоследствии приняли участие в работе Уложенной комиссии от Уфимской провинции (см. 15, с. 31).

Как правило, реакцией власти на народные бунты, в том числе на национальных окраинах, становились меры по совершенствованию управления, социальных отношений, административного аппарата. Такой мерой, направленной на решение башкирского вопроса, было освобождение башкир от уплаты ясака, а затем их перевод в 1786 году на кантонное управление, в результате чего было образовано иррегулярное казачье войско, целью которого была охрана юго-восточных границ Российской империи и умиротворение края. Следует отметить, что в данном случае учитывались и боевые традиции башкирского народа, особенности их хозяйства, образа жизни и быта.

Эффективным средством совершенствования управления на территории Российской империи были учрежденные Александром I сенаторские ревизии, которые контролировали деятельность государственных учреждений на местах и защищали интересы населения и казны. Так, в 1843-1846 годах сенатором И.Н. Толстым была проведена крупномасштабная проверка в Восточной Сибири, по завершении которой был уволен с должности губернатор края, а многие чиновники отданы под суд за злоупотребление властью (см. 14, с. 145-146). Поэтому следует подчеркнуть, что в России не столько модернизация осуществлялась во имя империи (А.Г. Вишневский, С.Н. Гавров, В.А. Красильщиков и др.), сколько империя как форма политического устройства предельно гетерогенного общества создавала условия для сосуществования этнических культур, утверждая мир между народами, обеспечивая связь территорий, развитие торговли, коммуникаций, единой правовой системы и т. д.

Однако далеко не всегда действия государственной власти имели тот эффект, на который они рассчитывали. Как правило, такой нелинейный, непредсказуемый характер имели управленческие воздействия, которые не были согласованы с внутренними социокультурными особенностями самоорганизации этнических сообществ. Как известно, ислам является самой «неинституцио-

нализированной» мировой религией, поскольку в нем отсутствует четкая организация духовенства, единый руководящий орган, обязательные для всех верующих решения, характерные для христианства. Всякий верующий имеет право высказывать свое мнение по религиозным вопросам, при условии соответствия его священному писанию – Корану и Сунне, так же как любой верующий может стать священнослужителем (муллой), если он обладает достаточным уровнем знаний и пользуется доверием местного населения. Стремление государственной власти организовать деятельность мусульманской общины по образцу православной церкви, поставить ее под контроль государства приводит к тому, что в эпоху Екатерины II создается Духовное управление мусульман, а назначение на должность мусульманского духовенства регламентируется на основе российского законодательства. Данная мера правительства имела неоднозначные последствия: с одной стороны, она способствовала оформлению мусульманского духовенства в качестве организованной национально-политической силы; с другой – стимулировала процесс его бюрократизации, превращение в привилегированную прослойку, включенную в государственные структуры. Мусульманское духовенство рассматривается местным населением как правительственные чиновники, имеющие за выполнение своих функций определенное казенное содержание и привилегии. Недоверие к официальным, утверждаемым властью муллам обуславливало то, что в течение достаточно длительного периода в мусульманской общине, наряду с «указными», существовали «неуказные», неофициальные муллы. Огосударствление ислама, наряду со снижением морального и образовательного уровня духовных лиц, обусловило утрату доверия и авторитета духовенства в среде исламского населения, что становится одним из значимых факторов секуляризации массового сознания мусульман в начале XX века (см. 14, с. 322-330; 16, с. 290), а в постсоветский период обуславливает раскол в среде мусульманского духовенства.

Особенно драматические последствия имело насильственное разрушение традиционных механизмов жизнеобеспечения этнических сообществ, их хозяйственно-экономической структуры. Так, отторжение башкирских вотчинных земель и форсированный перевод народа на оседлый образ жизни определило то, что к концу XIX – началу XX века в целом ряде районов Башкирии сложилась ситуация, когда традиционный тип хозяйства был разрушен, а новый, оседло-земледельческий, еще не достиг необходимого уровня развития. Кризис, охвативший хозяйство значительной части башкир, тяжело сказался на судьбе народа во время голода 1921-22, 1932-33 годов, привел к сокращению башкирского населения на 59,2% (см. 17, с. 195; 13, с. 190).

Стремление государственной власти к форсированной унификации социокультурного пространства Российской империи на основе русской культуры и православия, осуществляемой насильственными методами, зачастую давало противоположный эффект: так, в конце XIX – начале XX века как реакция на консервативный курс правительства Александра III в интеллектуальной среде мусульманских народов возникают культурно-либеральные движения панисламизма и пантюркизма, у истоков которых стояли И. Гаспринский, А. Валиди и др. Панисламизм и пантюркизм возникают в российской культуре не как наступательные, экспансионистские, а оборонительные доктрины, направленные на защиту этнической идентичности, национальных интересов исламских народов России. Очевидна аналогия данных движений с современным исламским фундаментализмом, который трактуется современными исследователями как реакция на экспансию западной цивилизации в исламском мире (см. 18, с. 69-99). Боязнь усиления исламского влияния на народы России, а также неспособность власти сконструировать новые модели национальной политики с преимущественно толерантной доминантой, стремление решать национальные проблемы жесткими управленческими методами дестабилизи-

ровали ситуацию в стране, порождая межнациональные конфликты и перечеркивая тот позитивный опыт сотрудничества, который сложился у народов России.

Тоталитарный, всеохватывающий характер государственное регулирование приобретает в советскую эпоху, начиная с 30-х годов: абсолютное игнорирование местной культурной специфики и форсированная унификация всех сфер жизнедеятельности народов России практически не оставляют возможности для проявления спонтанных процессов самоорганизации, что, на наш взгляд, становится одной из главных причин стагнации и последующего распада Советского Союза. Результаты такой политики приобретают тем более разрушительный характер потому, что на предшествующей стадии (в 20-е годы) в ходе политики «коренизации» и национально-территориального районирования по этническому признаку осуществляется правовая институционализация этничности, стимулирование и государственная поддержка культурного разнообразия. За сравнительно короткий период происходят формирование и упрочение этнической самоидентичности народов России, их консолидация и культурное развитие. Таким образом, создав условия для созревания и консолидации наций на территории национальных окраин, советское правительство в 30-е годы избирает стратегию «плавильного тигля», что становится источником сначала латентных конфликтов, а впоследствии – главной предпосылкой усиления антицентристских настроений и распада самого СССР.

Однако следует признать, что политика федерализма и национально-территориального районирования, на опасность которой для будущего России указывали еще евразийцы и которая критикуется сегодня многими авторами (см. 19, 20) как главная предпосылка дезорганизации и будущего распада советского государства, носила не только пропагандистский характер, связанный с желанием власти продемонстрировать всему миру преимущества социалистического образа жизни. Она была продиктована прежде все-

го тактическими соображениями сохранения единого государства в условиях подъема национальных движений и создания независимых государств в самом центре России и на национальных окраинах. Так, после революции 1917 года на территории традиционного проживания тюркских народов создаются Татарская, Башкирская республики, требования национальной автономии звучат в среде чувашской интеллигенции, сибирских народов. Таким образом, стратегия реализации национально-территориальной автономии в советский период носила вынужденный характер, была результатом этнокультурного развития российских народов в имперский период. Кроме того, эта стратегия действительно была способна создать реальные условия для развития этнических культур и удовлетворения национально-культурных потребностей народов в рамках федеративного государства. В качестве подтверждения данного вывода можно привести тот факт, что за пределами своих национально-территориальных образований представители малочисленных коренных народов Севера и Сибири подвергались значительно большей культурной ассимиляции: утрачивались культурные традиции, родной язык, этническое самосознание, традиционные навыки (см. 21, с. 65-93). Ошибка правительства состояла не столько в признании прав народов на автономию, сколько в произвольности определения границ новых национально-территориальных образований, в их неравноправном статусе и в формальном характере провозглашенного федерализма (см. 22, с. 100-101). В силу этих причин принципы национально-культурной политики, провозглашенные советским государством, не получили должного развития, а с 30-х годов элементы реальной автономии уступают место процессам ассимиляции и унификации этнических культур.

В целом же результаты национальной политики советского государства носили весьма противоречивый характер: с одной стороны, именно в советский период впервые решается проблема национально-терри-

ториального и национально-государственного устройства народов России, создающая условия для их этнокультурного развития; происходит резкий подъем их социально-экономического потенциала, за счет чего из аграрных сообществ многие из них превращаются в промышленные, городские; создается городская и сельская инфраструктура; развиваются национальная профессиональная культура и образование; осуществляется массовая и целенаправленная подготовка кадров для всех сфер общественной жизни. А следовательно, происходит реальная синхронизация, выравнивание уровней развития советских республик. Так, валовой объем всей промышленной продукции в 1981 году, по сравнению с 20-ми годами, в Башкирской, Татарской, Чувашской АССР, Ямало-Ненецком автономном округе – увеличился в 1000-3000 раз (см. 13, с. 164).

С другой стороны, осмысливая себя как главного субъекта модернизации, а общество как объект государственного регулирования и взяв на себя «заботу» об экономическом, социальном, политическом, культурном развитии народов страны, государство не смогло обеспечить условий для проявления спонтанных процессов самоорганизации в различных сферах жизни российского общества. Эти механизмы самоорганизации, которые являются внутренним источником социокультурной динамики, оказались жестко подчиненными главным параметрам порядка: государству, идеологии, централизованной экономике, а сама модернизация – незавершенной. Доминирование государственного регулирования над процессами самоорганизации общества, этнических и социальных групп обусловило культурную ассимиляцию народов, унификацию их общественного устройства, разрушение традиционных механизмов самоорганизации этнических сообществ, особенно малых народов Севера и Сибири, результатом чего становится их деэтнизация и деградация в постсоветский период. Стремление государственной власти обеспечить форсированное развитие и коренное переустройство хозяйства и культуры

российских народов без учета их этнокультурной традиции и глубокой адаптированности к занятой ими экологической нише приводило к их серьезной дестабилизации, поскольку любой этап развития культуры – результат не только внешних воздействий (например, управленческих), но и следствие предшествующего развития, зафиксированного в ядре культуры. Силовое воздействие, не согласованное со свойствами ядра («памяти» системы), приобретает дестабилизирующий, разрушительный эффект. Данный вывод подтверждается и этнологическими исследованиями: развитие исторически преемственно и опирается на социально-исторический опыт и культурный потенциал, накопленный на предшествующей стадии развития. Поэтому форсирование социального развития в ущерб культурному приводит не к обновлению культуры, а к ее глубочайшей деформации (см. 17, с. 332-333).

Однако следует подчеркнуть, что подобная противоречивость национально-культурной политики – характеристика не только советского периода. В той или иной мере она присуща всем этапам модернизации российского общества. Так, в конце XIX века на эту особенность национальной политики российского государства указывал И. Гаспринский, отмечая «отсутствие строго намеченной последовательной политики, воодушевленной великой идеей распространения цивилизации среди русского мусульманства» (23, с. 209). Выделяя два пути к обеспечению единства государства: путь ассимиляции и русификации, с одной стороны, и путь единения нравственного, основанного на принципах индивидуальности, свободы и самоуправления, – мыслитель пишет, что российское государство часто придерживается совершенно различных принципов по отношению к различным своим территориям. Так, первая тактика действовала по отношению к Польше, что неоднократно вызывало протест польского населения; вторая – по отношению к Финляндии, которой была предоставлена достаточная большая автономия.

На наш взгляд, такая противоречивость национально-культурной политики российского государства может быть объяснена постоянной пульсацией в российской культуре евразийского и атлантического начала, установки на содружество и братство самых разных народов и установки на их ассимиляцию, унификацию в соответствии с американской моделью «плавильного тигля». Так, определяющими чертами *евразийского принципа* национальной политики были:

- прагматизм, функционализм государственной власти; ориентация на сохранение на низших уровнях власти традиционных структур и использование их в интересах государства;

- стремление не вмешиваться в традиционную организацию жизни и быта народов; установка на равноправие этнонациональных культур;

- наделение определенными правами и привилегиями местных элит, обеспечение им доступа к государственной власти; стремление к сотрудничеству с национальными элитами;

- ориентация на постепенное приспособление местных особенностей к задачам государства; на универсализацию социокультурного пространства за счет развития образования, печати, коммуникаций; использование гибких форм и методов интеграции «инородцев» в российскую культуру.

Между тем для *атлантического принципа* характерны следующие черты:

- отказ от прагматизма, функционализма, ориентация на форсирование целей интеграции;

- разрушение традиционных механизмов самоорганизации народов;

- установка на ассимиляцию и унификацию;

- отмена прав и привилегий группам национального сообщества; устранение или размывание влияния и власти национальных элит;

- использование жестких, насильственных методов и форм интеграции нерусских народов в Российскую империю;

– усиление контроля государственной власти за деятельностью местных сообществ; стремление к регламентации всех сторон жизнедеятельности народов (запреты на смешанные браки, на занятия кузнечным делом и др.).

Последствиями реализации такой политики становились деформация всех сфер этнических культур, движения протеста. Так, многочисленные восстания в Волго-Уральском регионе были вызваны не только экономическими проблемами, но и стремлением народов сохранить свой образ жизни, отстаивать самобытность своей культуры. Всякая модернизация по «образцу», каким бы ни был этот образец, обесценивает собственную культурную традицию, предполагает ее раз-

рушение. Однако успешное развитие общества возможно только на основе собственной традиции – ее разрушение лишает культуру внутренних источников динамики. Поэтому единственно возможной моделью модернизации в таком полиэтническом обществе, как Россия, является модель, совмещающая две противоположные тенденции: с одной стороны, развитие культурного плюрализма и сохранение своеобразия этнических культур; с другой – инкорпорация их в общероссийское социокультурное пространство. Неспособность власти найти оптимальный баланс между первой и второй стратегией обусловила противоречивый характер самой российской модернизации и – как следствие – проблемы современного постсоветского этапа.

Список использованной литературы:

1. Кара-Мурза С.Г. Ислам и проблема Восток – Запад. – М., 2002.
2. Клайн Э. Самоопределение наций: созидание или опасная забава? // *Общественные науки и современность*, 1993, №2.
3. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М., 2003.
4. Батунский М.А. Россия и ислам. В 3-х т. – М., 2003. Т. 2.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1995.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. Сочинения. – М., Харьков, 1998.
7. Миронов Б.Н. Историк и социология. – Л., 1984.
8. Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века // *Социс*, 1992, №4.
9. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // *Общественные науки и современность*, 2003, №1.
10. Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. – М., 1994.
11. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993.
12. Любичанковский С.В. Губернское правление в системе государственной власти в последнее существование Российской империи (на материалах Урала). – Екатеринбург, 2003.
13. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). В 2-х т. – СПб., 2000. Т. 2.
15. Кулбахтин Н.М. Из истории гайнинских башкир. – Уфа, 1996.
16. Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. – М., 2001.
17. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992.
18. Сергеева О.А. Особенности современных цивилизационных процессов. – М., 2002.
19. Алексеев Н. Советский федерализм // *Общественные науки и современность*, 1992, №1.
20. Кожановский А.Н. Испания: этнический фактор и административные границы // *Общественные науки и современность*, 2002, №6.
21. Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. – М., 1985.
22. Дьячков М.В. О национально-территориальной, национально-государственной и национально-культурной автономии // *Социс*, 1993, №11.
23. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // *Дружба народов*, 1991, №12.